

Часть первая

В свои пятнадцать лет я лежала, распростершись на полу. На мои плечи была наброшена черная простыня. Возле головы и в ногах стояли зажженные свечи. Губы были прижаты к камню, а в ушах звучали литании. Священник разжал мой кулак и надел кольцо мне на палец. Я пообещала быть верной женой Христа. Я была почти уверена, что хочу этого. Ведь в ту безумную минуту эта клятва не казалась серьезной жертвой: я никогда не знала мужчины, однако успела отведать шоколад.

Венеция, 1768 год

1

Болеутоляющая припарка

Берем четыре унции бренди, полдрахмы хны, две драхмы опиума и растворяем.

Эта смесь успокаивает нервы, ее теплота укрощает духов, проникая глубоко, открывает поры, смягчает, рассеивает причиняющие боль размышления и отгоняет их, вызывая потоотделение.

Я была не очень самоотверженной монахиней, ведь меня уpekли в монастырь потому, что мое семейство потеряло голову из-за моего глупого подросткового увлечения. Мое самое серьезное преступление было настолько заурядным, что даже вспоминать не хочется. Еще вчера я — гордость и предмет поклонения моих родителей, свободно гуляю по *палаццо* моей семьи в сопровождении своры породистых собак, мне красиво укладывают волосы, я очаровательно дурачусь на уроках танцев, позирую для портрета. Мне кажется, что я немного своевольно веду себя с художником. Вот и все. А на следующий день я уже в женском монастыре Святого Захарии, который в некотором смысле можно считать нашим семейным, поскольку там в свое время приняли постриг не менее шести моих тетушек и несколько не таких симпатичных кузин. Сначала я думала, что это станет для меня непродолжительным наказанием, предупреждением, попыткой остудить мой пыл. За мной давали хорошее приданое, я была далеко не дурна собой — яркая блондинка из тех, что с ранних лет привлекают внимание мужчин. Но через несколько недель я начала подозревать ужасную правду — мои родители вознамерились оставить меня там надолго.

Я осознала, что они запланировали это изначально.

Я уже хорошо изучила порядки монастыря, а мои родители не чувствовали за собой никакой вины за ту судьбу, что уготовили мне.

Дело в том, что монахини успели снискать мое расположение, еще когда я была малюткой. Каждый раз, когда мы ходили в сад при монастыре, они развешивали на раскидистых ветвях деревьев засахаренный миндаль, сладкие пастилки и цукаты. Тогда мы посещали монастырь, чтобы навестить двух или трех тетюшек по имени Катарина, поскольку именно так называли всех девочек в нашей семье. Никто не запрещал мне наслаждаться сладкими дарами. Потому у меня сложилось впечатление, что в монастырях подобные вещи растут на деревьях, а вот дома их приходилось постоянно выпрашивать.

В Венеции все аристократические династии занесены в так называемую «Золотую книгу». И каждая из этих семей хранит свои секреты, словно бы собственную совесть, в женском монастыре. Семнадцать членов семьи Контарини заперты в монастыре Санта-Катарина, дюжина Моресини в Спирито Санто, Балби в Сант-Андреа де Зирада. А неугодные женщины из семейств Фоскарини и Керини были похоронены заживо в нашем милом склепе в монастыре Святого Захарии.

В десять часов я взошла на судно, на котором моя кузина Паола совершала свадебное путешествие по женским монастырям, чтобы поприветствовать сестер, запечатанных в целомудрии. Этот старинный обряд давно уже вышел из моды, однако дядюшка настоял на необходимости его проведения, поскольку монашки любили гостей. К тому же их изоляция вызывала недопустимое чувство вины. Они отдали себя Богу, который не просил никакого приданого, потому дядя Паолы мог потратить тридцать тысяч дукатов на жениха из рода Градениго для нее, чтобы влить свежую кровь во внуков.

Заточенные сестры благословили Паолу мертвыми глазами, просунув миндальные полумесяцы сквозь решетку ей в рот, поскольку они не имели права прикасаться к ней. Между тем мне достались тонкие гречневые вафли, намазанные медовым

кремом, горячие, варенные в тесте фрукты, посыпанные сладким порошком, а также острый *panpepato*¹, который я никогда не ела дома.

Когда мне было двенадцать лет, сестры-монахини спросили меня, не хочу ли я взглянуть на кухню. Я, как дочь зажиточной семьи, никогда на кухне не была, потому мне стало интересно. Я спустилась вниз, и мне очень понравилось таскать судки из печи, переставлять светлые флаконы с севильскими сиропами... Было так интересно смягчать, складывать, растапливать, смазывать, вынимать, оборачивать, глазировать и укладывать различные сладости, предназначенные для столов богачей, в раскрашенные коробки, что я расплакалась, когда меня забрали домой. Меня воспитывали не для такой грубой работы, но мне нравилось за ней наблюдать.

Потому я частенько прибежала в монастырь Святого Захарии и чувствовала себя там как дома, а когда подросла, то иногда даже оставалась на ночь. Я спала в комнатах моих тетюшек, а беспорядочное образование получала в комнате рядом с трапезной.

Я забегала на монастырскую кухню, словно воробышек, который залетает на стол и клюет то, что ему нравится. Никто не умел так хорошо готовить марципаны, как монахини монастыря Святого Захарии. Ну, если не считать монахинь из монастыря Сант-Алвизе. Скорее всего, никто больше не умел делать такой пенистый шоколад и подавать его в изящных чашечках. Я так часто приходила отведать его, что мне отвели особую чашку.

Монастырь казался таким милым местом. Здесь был один из лучших садов во всей Венеции. Что уж говорить о роскошных фруктовых деревьях! Монастырь больше напоминал провинциальный дом для увеселений, чем оплот веры. Терракотовые анфилады с арками белого истрийского камня вели к двум изящным крытым галереям, на одной из которых даже была оборудована лоджия. Из окон келий монахини видели

¹ Панпепато — традиционный рождественский пряник. Необычен тем, что в него добавляют молотый черный перец.

церковный купол, возвышающийся над ними в гармоничном сочетании с апсидой и стоящей особняком колокольной. За южной стеной монастыря располагался широкий променада *Riva delgi Schiavoni* и площадь Сан-Марко. Соленый воздух приносил свежесть на галереи даже в разгар лета, хотя зимой, из-за того что они находились почти на уровне моря, их, бывало, заливало водой, которая частенько замерзала.

Монастырь находился к югу от церкви. Когда подходило время, монахини тихо шли в церковь и располагались на зарешеченных галереях. Взглядом они упирались либо в угольно-черный мрамор пола, либо в «Святое собеседование» кисти Джованни Беллини. Кроме того, они могли удобно устроиться в деревянных нишах клироса, напоминая резные фигуры святых, наблюдающие друг за другом, и за пятью позолоченными стульями для дожа со свитой, который ежегодно посещал эту церковь.

Это было спокойное, размеренное существование, лишенное как тягот, так и разнообразия.

Такая жизнь была не по мне.

Когда родители отвезли меня в монастырь после случая с художником, я была вправе полагать, что подобное наказание носит временный характер и что через время, когда я покажу, какая я хорошая и примерная девочка, мне вернут привилегии и свободу, в полной мере воздав за уязвленное достоинство. Потому сперва я вела себя как дрессированный медведь, тихо и послушно. Мне было сложно сдерживаться, однако удавалось. Я собиралась во что бы то ни стало завоевать право вернуться домой. Скрасить горе мне помогали марципаны.

Но дни складывались в недели, а я все еще оставалась в монастыре Святого Захарии. Когда я представила, что могу никогда его не покинуть, он перестал казаться мне таким милым местом. Слыша звук ключей, поворачивающихся в замке, я непроизвольно морщилась. Я дрожала в тени высоких стен, которые раньше казались мне прохладным убежищем от венецианского солнца.